

ПЕДАГОГИКА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Одной из главных особенностей российской цивилизации, несомненно, является полиэтничность. Это ее стержневое, системообразующее свойство является одним из самых сложных не только для теоретического анализа, но и для решения проблем социального проектирования, дальнейшего культурно-образовательного развития. Проблемы межэтнического общения, межкультурной коммуникации, вопреки многочисленным глобализационным прогнозам, не только не потеряли актуальности, но и стали во многом определяющими факторами современного развития российского общества. Их нерешенность становится источником социальной опасности, культурной деструкции, стимулирует развитие разрушающих социум противоречий и конфликтов¹.

В то же время сегодня решение этих проблем требует новых методов, новых подходов, новых технологий. Речь идет не о развитии популярных ныне манипулятивных методик, ценностно дезориентирующих личность и разрушающих коммуникационные процессы в обществе, сводя, в частности, все богатство межличностного общения к уровню формируемых тренингами «условных рефлексов» коммуникации. Толерантность, рассматриваемую сегодня едва ли не как панацею от всех «социальных болезней», нельзя «натренировать», она — не рефлекс, но интегративное в основе и универсальное в своих проявлениях качество личности, качество сознания и поведения, разрушение которого стало одной из причин острейшего нравственного, духовного, культурного кризиса современной мировой цивилизации.

Новые подходы и методы могут быть основаны только на более глубоком понимании «человеческого измерения» мира, лежащего в основе коммуникационных процессов. Поиск новых технологий означает не технологизацию в ее примитивном «операционно-техническом» понимании, но гуманизацию и гуманитаризацию — возвращение к исходному творческому смыслу греческого понятия «технэ» — искусство, художество, мастерство, т. е. поиск оптимальных, основанных на подлинно гуманитарном понимании сущности социальных процессов решений и методов. В этом «человеческом измерении» особая роль принадлежит этничности, этнической идентичности — осознаваемой и переживаемой личностью сопричастности к духовно-нравственному наследию предшествующих поколений. Речь идет не о ситуативно меняющихся политических, социально-классовых ценностях и ориентациях, а о ценностях фундаментальных, базовых, о «вертикали преемственности» в культуре, главная роль в сохранении которой, несомненно, принадлежит образованию.

В этом смысле современная отечественная образовательная политика содержит ряд серьезных противоречий концептуального характера. С одной стороны, в качестве приоритетов ее развития декларируется формирование патриотизма, знания и уважения отечественной истории, усиление духовно-нравственного воспитания², формирование толерантности, с другой стороны, — из закона «Об образовании» изъято понятие «национальная школа», прекратил свое «официальное» существование в образовательных стандартах «национально-

региональный компонент», призванный, в частности, вносить в содержание образовательных программ определенную коррективную, учитывающую особенности местного, этнорегионального культурно-образовательного пространства. Совершенно понятно и оправдано стремление к сохранению единства общероссийского образовательного пространства, но столь же очевидно и то, что единство не означает однородности, единство может и должно строиться в условиях полиэтничного, многокультурного и многоконфессионального российского общества на многообразии, на сохранении культурной многокрасочности, мозаичности. В противном случае речь идет лишь об очередной уступке глобализации, понимаемой не как объективный процесс сближения культур, а как процесс гомогенизации, направленный на достижение однородности, ценностной недифференцированности мироотношения, деиндивидуализации культуры и ее потребительской «оптимизации».

Анализ материалов ежегодной международной научно-практической конференции «Реальность этноса», проводимой в РГПУ им. А. И. Герцена с 1999 г. и специально посвященной этнонациональным аспектам образования, убедительно демонстрирует огромную востребованность практически во всех регионах России (а именно такова «география» этой конференции) сохранения направленности образования на формирование этнической и этнорегиональной идентичности молодежи не как альтернативы, а, наоборот, условия достижения гражданского единства, гражданской, общероссийской идентичности³.

Дело тут, разумеется, не в самих терминах «национальная школа» или «национально-региональный компонент», а в том, какова стоящая за ними концепция идентичности — этнической, этнорегиональной, гражданской. Здесь ни в науке, ни в общественном сознании, увы, не наблюдается консенсуса. Застарелая болезнь «этнографической безграмотности» населения, вызванная так и не преодоленным односто-

ронне классовым пониманием движущих сил истории, в которое «этническое» ее измерение никак не вписывается, сегодня обнаруживает себя и в парадоксальных идентификациях, возникающих при переписи населения⁴, и в том, что представления значительной части граждан нашей многонациональной страны, например, о коренных малочисленных народах Севера часто ограничиваются печально известными анекдотами о «чукчах»⁵.

Приходится говорить и о более глубоких корнях данной ситуации, связанных с противоречиями в развитии самого этнологического и этнографического знания. Это, на наш взгляд, достаточно убедительно продемонстрировала и уже упомянутая перепись населения 2002 г. Самой противоречивой здесь оказалась именно фиксация *этнической идентичности* (тем более, что с 1997 г. из российских паспортов изъята графа «национальность»). Главный парадокс этнического измерения переписи состоит в том, что она фиксирует реальное *отсутствие объективных оснований для этнической идентификации*. Боязнь граничащей с расизмом «идентификации по крови» привела к тому, что этническую принадлежность принято определять по самосознанию, и, более того, человек имеет право «выбрать» свою этническую принадлежность, самоопределившись с ней. Если последовательно придерживаться этой точки зрения, то появление указанных «нетрадиционных» вариантов этнической самоидентификации становится совсем не удивительным... Но в результате специалистами-этнографами заранее составляется «список национальностей», под который потом приходится «подгонять» результаты реального обследования «этнического самосознания» населения. И это не является чем-то новым и в нашей, и в мировой практике переписей. Более того, иного выхода просто и нет, если не пытаться выявлять объективные основания *этнической принадлежности* (например, по этническому происхождению). Отметим, что у иных типов идентификации — социально-клас-

совой, конфессиональной, имущественной, возрастной, гендерной и др. — такие основания выявляются достаточно объективно (что, разумеется, не исключает их несовпадения с самооценкой, результатами самоидентификации). В случае же с этнической идентичностью эта *самооценка* является официально *единственным* основанием для идентификации. Известно, что в ходе подготовки и проведения переписи ситуация «неадекватной» интерпретации, а иногда и полного непонимания вопросов, касающихся этнической принадлежности, фиксировалась многократно. Переписчикам же инструкция запрещает проводить какие-либо разъяснения.

Таким образом, речь идет, на наш взгляд, о серьезной нерешенной методологической проблеме этнологической науки, подрывающей сами основы этой науки, объективность ее выводов, выводимых ею закономерностей.

Между тем следует учитывать сложность и неоднозначность современного бытия этничности, его несводимость к классическому пониманию «этноса» как группы людей, имеющей определенные границы (культурные, языковые и т. д.). Хотя этническая реальность многообразна и в ней продолжают существовать и таким образом понимаемые этнические общности (например, некоторые коренные малочисленные народы на Севере или на Кавказе). Кроме того, здесь совершенно не учитывалась высокая степень метисизации (этнического смешивания) населения, свойственная российскому обществу. Так, в переписи, очевидно, следовало бы допустить вариант двойной или даже смешанной этнической принадлежности. Но, как отмечает непосредственно участвовавший в выработке концепции переписи 2002 г. директор Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишков, «закончилась неудачей моя попытка ввести категорию *смешанной этнической идентификации* (курсив мой. — И. Н.), которая позволила бы фиксировать как “горизонтальную” двойную или множественную этническую лояльность (по роди-

телям и среде проживания), так и “вертикальную” множественную идентичность от малых до больших крупных сообществ, принадлежность к которым может ощущать один и тот же индивид одновременно и в разных ситуациях»⁶.

Ситуация с переписью населения высвечивает основной, «узловой» вопрос современной этнологии, решение которого разделило этнологов на два основных лагеря — так называемых «примордиалистов» и «конструктивистов». Прежде чем обратиться к смыслу этого размежевания, подчеркнем, что оно связано с одновременно происходящей сменой преобладающего ракурса интереса отечественной этнологической науки, традиционно развивавшей «теорию этноса». По справедливому замечанию В. А. Тишкова, здесь требуется переход от поиска человека в этносе к поиску этноса в человеке, т. е. перенос внимания на личность. Именно в связи с этим в центре внимания оказалось понятие, производное от этничности — «этническая идентичность», отражающее осознаваемую (или неосознаваемую) соотнесенность (тождественность) личности с этнической группой, ее культурой (иногда переносимая и на групповой уровень).

Следует подчеркнуть, что указанное выше размежевание на «примордиалистов» и «непримордиалистов» не является актом публичного разделения ученых на два «враждующих» лагеря. Это — не «самоназвание» теоретических концепций, а, скорее, инструмент, с помощью которого выявляется методологическая ориентация тех или иных ученых (тех или иных теоретических концепций) в решении главного вопроса: является ли этничность неким изначальным, укорененным («primordial» в переводе с английского и означает «изначальное, исходное, исконное»), объективно данным свойством человека, человечества или это то, что имеет субъективную природу, может быть достаточно произвольно сконструировано в соответствии с теми или иными социальными, политическими интересами, потребностями. То есть речь идет о двух различных (и даже противоположных)

по своим методологическим основаниям научных парадигмах в рамках этнологической науки, определяющих, соответственно, и «этнологическую» стратегию, и тактику педагогической антропологии, образовательную практику.

Для педагогики, этнокультурного образования и воспитания решение указанного «основного вопроса» этнологии оказывается принципиально важным. Здесь возможны два основных варианта: 1) если этничность (т. е. принадлежность к определенному этносу со всеми вытекающими отсюда последствиями для поведения) укоренена в человеке, то она может модифицироваться, но не может изменяться принципиально, в самой своей основе; 2) если же никакой укорененности нет, то с помощью педагогических средств может быть сформирована «любая» идентичность, и даже то, что человеку субъективно представляется его этнической принадлежностью, может быть произвольно изменено.

Очевидно, что окончательное решение этого вопроса — еще впереди, и ответ на него может быть дан только на основе значительного числа экспериментов комплексного междисциплинарного характера, что требует и выработки особых технологий, особого комплексного междисциплинарного исследовательского инструментария. Пока же, как это ни парадоксально звучит, педагогика вынуждена экспериментировать в значительной степени «вслепую», стихийно склоняясь к более привлекательной, понятной на бытовом уровне сознания и традиционно развиваемой в отечественной этнологии примордиалистской позиции. Но в то же время, педагог является не пассивным «исполнителем», инструментом реализации той или иной теоретической концепции, а живым действующим субъектом педагогического процесса, творческий поиск которого может приблизить решение указанной проблемы.

Именно поэтому попробуем уточнить, конкретизировать названные выше подходы к этничности.

Итак, согласно *примордиалистской парадигме*, основывающейся прежде всего на эволюционизме, этничность, этническая принадлежность является свойством личности, укоренённым в ней, т. е. имеет объективную, не зависящую от сознания основу. Но каков уровень этой «укоренённости»? Есть два основных варианта ответа на этот вопрос: социологический (или, точнее, социально-психологический) и биологический (или биосоциальный). В первом случае речь идет о социальной укоренённости, связанной с формированием устойчивого этнического самосознания и стереотипа поведения, которые сохраняются и наследуются от поколения к поколению и мало подвержены изменениям. Во втором речь идет о биологической укоренённости — «врожденности» этничности, т. е. о том, что этничность уже заложена в генетическом коде, а ее развитие зависит от определенных социальных условий, но с учетом имеющейся биологической предрасположенности. Сегодня последний, наиболее радикальный вариант примордиализма не имеет большого распространения, так как не может объяснить сложности и противоречия современных этнических процессов. Социологическая модель примордиализма обладает гораздо большей устойчивостью и применимостью в современной этносоциальной ситуации. Укорененность в данном случае не означает врожденности. Небиологический вариант «примордиализма» связан с представлением о том, что этничность как объективно существующее социальное свойство, родилась в процессе социогенеза, т. е. формирования у человечества социальных, внебиологических форм жизни, и явилась результатом адаптации человека к природе, и одновременно к себе подобным. В западной антропологии такую позицию связывают, в частности, с именем одного из крупных антропологов Клиффорда Гирца, определявшего этничность как «коллективно одобренный и публично выраженный мир личностной идентичности». Примерно такая же позиция отличает и авторов изданной в 1975 г. (и неоднократно затем

переиздававшейся) работы «Этническая идентичность», которая стала в США одним из университетских учебных пособий. В ней этничность характеризуется как «социальная форма лояльности» и «экзистенциальное значение, проистекающее из человеческой потребности иметь преемственную принадлежность»⁷. С некоторыми оговорками к этому варианту может быть отнесена и концепция этноса Ю. В. Бромлея — известного отечественного ученого и «руководителя» этнографической науки, несколько десятилетий определявшего направление развития советской этнографии. Оговорки вызваны тем, что развитие этой теории этноса Ю. В. Бромлея привело, как это ни парадоксально, практически к *отказу от примордиализма* — в концепции «слияния» советских этносов в новую историческую общность, новую «единую социалистическую нацию — советский народ», указанная укорененность, предполагающая сохранение этнических различий, вариантов, как бы «снимается». Аналог этому, при всех принципиальных идеологических расхождениях, — американская концепция «плавильного котла», также потерпевшая крах в результате развития этномобилизационных движений в американском обществе и заставившая американских антропологов обратиться к идее мультикультуральности общества, т. е. практически к признанию его полиэтничности.

В этом плане интересна позиция известного российского этнолога С. А. Арутюнова, выступившего в разгар дискуссии об этничности со статьей, имеющей характерное название — «Этничность — объективная реальность». Говоря об «этнической идее», ученый подчеркивает, что она порождается «не параноей, не гипнозом, не харизмой лидера (хотя все эти факторы могут способствовать ее укоренению), а объективной закономерностью агломерации, “слипания” людей в группы общности интересов и дальнейшим неизбежным стремлением этих социокультурных групп, в том числе этносов, к расширенному самопроизводству»⁸.

Стремление уйти от упрощенно понимаемой укорененности этничности привело ученого и к попытке создания принципиально новой теории — информационной теории этноса. Обосновывая и объясняя ее, С. А. Арутюнов утверждает, что «в основе возникновения и самоподдержания этносов лежат сгустки коммуникационных, информационных связей. Они же, несомненно, лежат и в основе создания других общественных группировок — религиозных, профессиональных, политических, спортивных, любительских и т. д. Однако все такие группировки основываются на сгустках тематически выборочных инфосвязей, и только этнос базируется на лишенной всякой выборочности их всеобщей совокупности»⁹.

Подчеркнем принципиальную методологическую важность высказанной С. А. Арутюновым и, увы, недооцененной, на наш взгляд, идеи. Речь по существу идет об *этничности* как новой форме существования этноса. Этничность существует всегда и является необходимой формой существования человека, изоморфной (т. е. подобной) виду у животных. Поэтому «этничность всегда, хотя бы незримо, присутствует в любой деятельности человека, даже если он этого не осознает или активно не желает»¹⁰.

Не имея возможности в рамках данной статьи более подробно рассматривать этот вопрос¹¹, отметим, что интересная перспектива осмысления указанного «основного вопроса» этнологии связана с философской интерпретацией этничности, этнического, не получившей пока существенного развития в отечественной науке¹².

Альтернативный примордиалистскому подход, имеющий сегодня широкое распространение в западноевропейской и американской этнологии, получил название «конструктивизм» и претендует на более адекватное описание современного состояния этнических процессов. В его основе — отрицание именно онтологических оснований этноса, какой бы то ни было укорененности этничности. Наиболее авторитетным представителем и одним из основателей этого

направления считается норвежский теоретик Фредерик Барт, в работах которого основные принципы конструктивизма сформулированы наиболее последовательно. Классическим стало и предложенное Ф. Бартом еще в конце 1960-х гг. определение этничности как «формы социальной организации культурных различий». Этническая идентичность — это не выражение определенного культурного комплекса, а форма социальной организации на основе «самокатегоризации» или категоризации другими. Этнические группы являются не результатом развития некой «этнической матрицы» (как это рассматривается в примордиалистской интерпретации), а результатом сознательного социального конструирования в определенных исторических, экономических, политических обстоятельствах с учетом конкретных ситуативных воздействий. Ключевую роль в конструировании этничности играет политика так называемого «этнического предпринимательства», которая мобилизует членов этнической группы на определенные политические действия. Огромную роль в указанном конструировании играют политики, ученые и средства массовой информации, создающие «мифы» об этногенезе, «воле народа» и т. д.¹³ Наиболее радикально идея конструирования этноса представлена в направлении, именуемом «инструментализм», где она базируется на признании этничности продуктом внешнего политического конструирования, являющегося инструментом этнической мобилизации масс. Этнические ценности здесь выполняют роль лишь лозунгов. Этнос здесь является, скорее, актом «творческого воображения» или продуктом сознательной деятельности людей. Не лидеры служат этнической общности, а, скорее, этнический фактор служит лидерам. Наиболее ярким представителем конструктивизма в отечественной этнологии является В. А. Тишков, разделяющий основные установки бартовского конструктивизма. «То, что государство создают нации, а не наоборот, стало уже академическим трюизмом, — отмечает В. А. Тишков, — но

государства также создают и этничность, т. е. этнические общности, из имеющегося в доступности культурного и социального материала. Классические примеры в подтверждение данного тезиса — это племенная номенклатура африканского континента, сконструированная колониальными администрациями совместно с антропологами, а также социалистические нации и народности бывшего СССР, прошедшие процедуру «национального строительства». Более того, именно власть и государственная бюрократия превращают культурные различия в основу для политической дифференциации между народами»¹⁴.

Не вызывает сомнений то, что конструктивистские методы исследования современных этнических процессов позволяют объяснить в них многое, дают возможность увидеть, как реальные этнические проблемы (что больше всего относится к этническим меньшинствам, этническим диаспорам) используются в политической борьбе за власть, как осуществляется политическое манипулирование этнической принадлежностью, этнокультурными символами и т. д. Но насколько универсален конструктивизм? Насколько он отражает современную этнокультурную ситуацию во всей ее сложности? Применима ли идея В. А. Тишкова о том, что этносы существуют «только в головах этнологов», например, к коренным малочисленным этносам Крайнего Севера или Северного Кавказа, которые сегодня в разной степени ассимилированы, этническая идентичность которых претерпела сегодня большие изменения, но которые чувствуют себя именно народами, этносами, и вряд ли согласятся с тезисом об искусственной «skonструированности» своей этничности. Один из крупных отечественных специалистов в области этноконфликтологии В. А. Авксентьев справедливо отмечает: «Вопрос заключается не в том, истинны или ложны конструктивистские и инструменталистские концепции этничности, а в том, вся ли это истина или лишь верхушка айсберга. Постмодернистские концепции этничности обходят стороной многие не-

удобные для их авторов вопросы, например, об устойчивости этнических идентификаций, о множественном характере этничности, о том, что даже в стабильные эпохи люди идентифицируют себя с определенными этническими группами, что этническая идентификация человека формируется в процессе его социализации, что в реальной действительности люди почти никогда не стоят перед возможностью выбора своей этнической принадлежности, а отдельные случаи этнической переидентификации, как правило, связаны с тем, что люди, исходя чаще всего из соображений политической конъюнктуры и даже личной безопасности, скрывают свою истинную этническую идентичность, и когда меняется конъюнктура или исчезает опасность, эти люди больше не считают нужным ее скрывать»¹⁵.

Отметим, что в конструктивистской позиции содержится, безусловно, много ценного для изучения самой сложной (и теоретически и практически) проблемы современной этнологической науки — *этнической процессуальности*, но, на наш взгляд, она не опровергла того, что этнос и этничность имеют объективные основания в природе человека и общества, отражают некие существенные стороны отношений человека с природной и социальной средой своего существования. Укорененность этнического отнюдь не противоречит идее развития, но научный инструментарий его многочисленных современных модификаций и форм существования находится еще на стадии формирования. В этом смысле несколько высокомерное отношение конструктивистов к обыденному сознанию, в котором примордиалистская трактовка этничности находит «благоприятную почву», кажется не совсем уместной, так как это «обыденное» (а, отнюдь, не теоретическое) и есть один из уровней этнического самосознания, игнорировать которое невозможно. Будущее этнологии, очевидно, связано с интеграцией различных подходов, в том числе и кажущихся сегодня полярными.

Близкую нашей позицию в этом споре формулирует психолог Н. М. Лебедева: «Результаты многих эмпирических исследований доказывают как устойчивость этнической идентичности, ее способность передаваться от поколения к поколению, так и ее изменчивость, способность “дремать” в латентном состоянии и активизироваться в ситуации межэтнического взаимодействия или всеобщей внешней угрозы. Оба этих свойства никак не могут быть взяты по отдельности и быть точкой опоры в понимании природы и функций этнической идентичности. Она и реальна, и полифункциональна»¹⁶.

Формирование этнической идентичности является результатом процесса *этносоциализации*. Важнейшее условие изучения этого процесса, который может быть рассмотрен в качестве главной цели этнокультурного образования и воспитания, — обращение к другой, обычно не рассматриваемой этнологами подробно, «ипостаси» этничности — культурной. Речь идет о том, что этничность может быть интерпретирована не только как свойство личности или группы (что и было традиционно предметом этнологических дискуссий), но как некое интегративное свойство культуры, проявляющееся во всех ее спецификациях и на всех уровнях. Именно здесь она обретает вполне «измеряемые» параметры, находит свою реализацию, выявляет свои функции. Именно это стало основанием для концепции *этнокультурологического образования*, реализованной кафедрой этнокультурологии Института народов Севера в практике подготовки учителей культурологии и истории из числа представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Эта образовательная модель имеет двунаправленный характер на подготовку к образовательной и культурно-экологической деятельности, т. е. деятельности по защите, сохранению и развитию языков и культур коренных малочисленных народов. Эта концепция сохраняет свою значимость и при осуществляющемся сегодня переходе на многоуровневую систему

подготовки, которая будет способствовать расширению числа образовательных маршрутов в рамках бакалаврских и магистерских программ и позволит повысить эффективность этноидентификационных процессов, процессов интериоризации этничности как свойства культуры.

В то же время, возвращаясь к проблеме связи различных видов идентичности, следует подчеркнуть, что широко распространенная точка зрения, в которой укрепление этнической идентичности, якобы, неизбежно разрушает гражданское единство общества, способствует распространению идей этнического сепаратизма, является ошибочной. Но именно она находит благодатную почву в конструктивистском лозунге «забыть о нации». Попытка сформировать гражданскую идентичность, игнорируя, отрицая этническую, в случае своей реализации в системе образования может нанести огромный вред. Это было бы повторением «пройденного» — аналогом формирования уже упомянутой нами выше общности «советский народ», где «этническое» подменяется «политическим». Не отрицая исторической значимости этой общности в решении жизненно важных для советского государства и общества задач, отметим, что именно эта подмена, основанная на недооценке значимости этнического, привела к столь быстрому в процессе распада Советского Союза забвению «дружбы народов», межэтнической солидарности.

На наш взгляд, особенность (и определенное преимущество) России как поликультурного, полиэтничного государства «коренных народов» (народов, живущих на своей земле) состоит в том, что здесь единство, интеграция этнической и гражданской идентичности может быть достигнуто при посредстве этнорегионального фактора, фактора (выражаясь языком известного культуролога Г. Гачева) Природины. Недооценка этого фактора, недооценка значения этнорегиональной идентичности, связана с боязнью развития этноцентризма и сепаратизма в регионах. И это представляется од-

ной из основных ошибок этнонациональной политики, так как именно игнорируя этнорегиональную идентичность — живой, реальной фактор социокультурных процессов, — государство может потерять нить управления этими процессами.

Российские регионы построены по принципу *национально территориального деления*, в основном учитывающего территорию традиционного проживания народов. Значимость формирования этнорегиональной идентичности здесь особенно велика. Во-первых, потому, что все регионы России полиэтничны, и это является фактом регионального общественного самосознания. Во-вторых, потому, что именно в регионах в силу совместного проживания представителей разных этносов, разных конфессий, разных культур вырабатываются модели «малого согражданства», основанные на взаимодействии разноэтнических групп населения (в том числе и коренного, и пришлого). То есть можно сказать, что отношение к Большой Родине (России) начинается с отношения к малой Родине (региону). Именно поэтому, на наш взгляд, в построении программ этнокультурного образования и воспитания следует учитывать, что путь от *этнической идентичности к гражданской идентичности лежит через идентичность этнорегиональную*. Ярким примером успешности действия этого принципа, на наш взгляд, служит Ямал, где при большом внимании к коренным малочисленным народам (хантам и ненцам), сохранении традиционного оленеводства (позволившем увеличить численность ненецкого народа), этнорегиональной идентичности («Я ямалец») придается совершенно особое значение. Здесь этнорегиональная идентичность (являющаяся важным компонентом политики администрации Ямало-Ненецкого автономного округа) двунаправлена: с одной стороны, она способствует укреплению и гармонизации межэтнических отношений в этом полиэтничном регионе; с другой — развивает российскую гражданскую идентичность, подкрепляемую в общественном сознании

пониманием значимости «газовой столицы» для экономики всей России¹⁷.

Принципиально важным для этнокультурного образования и воспитания, на наш взгляд, является и то, что позитивная этническая идентичность может служить основой не только для этнорегиональной и гражданской идентичностей, но для формирования толерантного отношения к другим народам, другим культурам. Н. М. Лебедева отмечает, что в результате проведения ряда исследований межэтнической коммуникации в нашей стране была выявлена «прочная устойчивая связь между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью, связь, подтверждаемая тесными корреляциями и являющаяся социально-психологическим законом. В неблагоприятных социально-политических условиях данная связь может разрушаться или становиться обратной, активизируя механизмы психологической защиты, что выражается в росте негативных гетеростереотипов этнической интолерантности,

этноцентризме»¹⁸. Таким образом, есть все основания утверждать, что этническая толерантность начинается с позитивной этнической самоидентификации и что, чем более человек этнически «самодостаточен», т. е. этнически идентичен, тем более он толерантен по отношению к чужой этнической идентичности. Это означает, что доходящие иногда до экстремизма интолерантные выходки представителей различных молодежных группировок по отношению к иностранным студентам, лицам «неславянской внешности», декларируемые как «защита» русского народа, в значительной степени связана не с «переизбытком» патриотизма или этноцентризма, а, скорее, наоборот, — с несформированностью их собственной этнической идентичности, с недостатком этнической самоидентификации. Надо начинать формировать толерантность не с отношения к «другим», а с отношения к «своим», к своей культуре, к своему народу и его нравственным, духовным традициям и ценностям.

Примечания

1. При подавляющем большинстве государствообразующего русского народа (почти 80% населения) в России (по материалам переписи 2002 г.) проживают представители примерно 160 этносов, многие из которых составляют внушительные по размерам диаспоры. Ситуация усложняется огромным притоком в страну легальным и нелегальным путем граждан бывших республик Советского Союза и некоторых азиатских стран.

2. Речь идет и о введении в школах специальной дисциплины, касающейся духовно-нравственного воспитания, и о принципах религиозного воспитания и образования, вызвавших к жизни (в ситуации многоконфессиональности населения и юридической отделенности церкви от государства) неутраченные споры и дискуссии.

3. См. об этом, например: Реальность этноса. Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности: Сборник статей по материалам VIII Международной научно-практической конференции / Под науч. ред. И. Л. Набока. СПб.: Астерион, 2006; Реальность этноса. Образование и гуманитарные технологии интеграции этнической, этнорегиональной и гражданской идентичности: Сборник статей по материалам X Международной научно-практической конференции. СПб.: Астерион, 2008.

4. Иначе как парадоксальными ведь трудно назвать факты «обнаружения» во время переписи 2002 г., например в Ростовской области, 30 «скифов» (т. е. представителей давно ушедшего в небытие народа) или таких «удивительных» народов, как «гоблины», «эльфы», «толкинисты». (!)

5. Автор разделяет существующую гипотезу о том, что выбор в качестве объекта анекдотов среди почти 40 коренных малочисленных народов Севера именно чукчей связан не только с несколько «маргинальным» звучанием этого слова (не являющегося, кстати, самоназванием этого народа), но и со своеобразной «исторической обидой»: чукчи, во-первых, возможно, менее всех малочисленных народов Севера поддались христианизации, сохраняя элементы шаманских верований; во-вторых, в процессах колонизации Северо-Восточной Сибири так и не были «сломлены» военным путем, но присоединены позже с использованием экономических, юридических и «психологических» мер (в частности, с предоставлением льгот, освобождения от налогов, а также не без тради-

ционного использования разрушительного фактора «огненной воды»). Об истории военных операций против чукчей подробнее см.: *Нефедкин А. К.* Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.). СПб., 2003.

6. *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 184. В результате, соответствующий вопрос в переписи 2002 г. ничем не отличался от вопроса в первой советской переписи 1926 г., который формулировался таким же образом — «Ваша национальность» и предполагал возможность выбора *только одной* национальной (этнической) принадлежности (данной человеку, согласно расхожему массовому стереотипу, едва ли ни с рождения).

7. См. об этом подробнее: *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии... С. 102.

8. См.: Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 7.

9. Там же.

10. Там же. С. 9.

11. См. об этом, подробнее: *Набок И. Л.* Педагогика межнационального общения. М.: Издательский центр «Академия», 2009.

12. См.: *Рыбаков С. Е.* Философия этноса. М., 2001.

13. См. об этом подробнее: *Тишков В. А.* Реквием по этносу...

14. Там же. С. 124.

15. *Авксентьев В. А.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, 2001. С. 33.

16. *Лебедева Н. М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию: Учеб. пособие для студентов психологических и этнологических специальностей. М., 1998. С. 18.

17. Совершенно естественным компонентом такой устремленной в будущее политики оказывается особое внимание, уделяемое на Ямале развитию образования, сотрудничеству в подготовке квалифицированных кадров с другими регионами России, в частности, с Санкт-Петербургом, с Институтом народов Севера Герценовского университета.

18. *Лебедева Н. М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. С. 20–21.